

АТатьяна
Люшина

Читайте романы
Татьяны *А*люшиной:

Дом, где исполняются мечты
♦
Далекий мой, единственный...
♦
Беглая невеста
♦
С молитвой о тебе
♦
Любовь без права на ошибку
♦
Мой слишком близкий друг
♦
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
♦
Два шага до любви
♦
Двое на краю света
♦
Две половинки
♦
Девушка с проблемами
♦
Запутанные отношения
♦
Все лики любви
♦
В огне аргентинского танго
♦
Свидание вслепую
♦
Чудо купальской ночи
♦
Влюбиться в жертву
♦
Больше, чем страсть
♦
Красота по-русски
♦
Любовь со вкусом вишни
♦
Моя нечаянная радость
♦
Девушка-праздник
♦
Тот, кто назначен судьбой
♦
Девушка из нежной стали

Татьяна Люшина

Утоли мои печали

Москва 2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии
Д. Сазонова

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Утоли мои печали : [роман] / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной и О. Покровской).

ISBN 978-5-04-183007-6

Много лет Григорий Вершинин не бывал в родном доме. Несправедливо обвиненный близкими в смерти деда, он бесприютно скитался по свету и считал себя извечным бродягой. Но пришло время разобраться в том, кто же истинный виновник произошедшей трагедии, и, быть может, обрести свое счастье. Да только сыщется ли женщина, способная отогреть замерзшую душу?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2017

© Оформление.

ISBN 978-5-04-183007-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Он стоял возле окна своей старой детской комнаты, засунув руки в карманы брюк, и задумчиво глядел на вершины деревьев, сплошной стеной тянувшихся, казалось, аж за горизонт. Привычный, сколько он себя помнил, пейзаж неизменно вызывал в душе беззаботную, наполненную солнцем радость. Так бывает, когда схватил теплый пирожок с малиной с только что вытащенного из печи противня, и от одного запаха кружится голова, принося простое незамысловатое абсолютное детское счастье.

Он любил этот дом, как любим мы те места, в которых в детстве всегда было радостно до мурашек и внутреннего визга восторга, где ощущалась абсолютная защищенность, в которых прошли только самые лучшие дни, месяцы и годы, не омраченные ничем тягостным, как любим и помним мы всей глубинной памятью лучшее, что случалось с нами в детстве.

Разумеется, много хорошего происходило с ним и дома, в Москве, в родном дворе и шко-

ле, но там жизнь шла по-другому. Совсем по-другому.

Была школа, расписание, распорядок дня, учеба и определенные каждодневные обязанности, порой достававшие до печенок, бывали ссоры и конфликты с друзьями и строгие наказания родителей — ну а как же, а как же! Были и радость познания жизни, мира, веселые игры, настоящая дружба, пацанское становление и взросление, как у всякого мальчишки, росшего в нормальной семье, но была и рутина.

А вот здесь, в старом родовом доме, для него все складывалось иначе. Совсем.

Практически каждое лето, а порой и с мая по сентябрь, Гриша проводил здесь, в усадьбе, а став школьником, так и каждые каникулы — летние, осенние, зимние и весенние и все праздники, как общегосударственные, так и общесемейные.

И это была другая жизнь!

Звонящая радостью, свободой и счастьем!

Свобода-а-а!! Вот основной девиз этой жизни!

Гришу, троих двоюродных братьев и сестру, также проводивших здесь большую часть своих каникул, взрослые баловали самым откровенным образом, предоставив детей самим себе и своим играм, не нагружая никакими обязанностями. Так, иногда засылали в магазин на станцию за какой-нибудь мелочовкой, хлеб купить или еще что, или сгонять за козьим моло-

ком к бабе Ксении, да и то это воспринималось скорее как одно из развлечений — на великах наперегонки: кто быстрее доедет или кто залихвастей восьмерки закрутит на скорости.

А в общем и целом девиз семьи сводился к основному постулату: пусть дети отдыхают. Понятное дело, в разумных пределах, с определенными запретами в русле безопасности, со строгим ограничением разрешенных к посещению мест и развлечений.

И, как водится, с постоянным нарушением детьми данных запретов, пока не засекли.

И вот ты просыпаешься утром и понимаешь-вспоминаешь, что весь огромный день и еще более огромный мир этого дома, участок, поля-луга, леса и реки принадлежат тебе и ты волен делать то, что придумашь, и совершенно сво-бо-ден! И такое счастье переполняет твою детскую душу, что невозможно передать, даже перенести это счастье невозможно!!

Он с друзьями мотался по всему поселку и горланил на всю возможную громкость своих легких от переизбытка восторга, оповещая мир об этом безграничном счастье, залезал во все запретные места и, замирая от страха, нырял в страшный омут на реке или прыгал с крыши заброшенного дома и подсматривал за девчонками в бане и... чего только не придумывали они!

А сам дом всегда ждал своих маленьких героев, наполненный печным теплом, особым,

неповторимым запахом — дурманящим, невероятным ароматом свежего печева: пирогов, пирожков, смешивавшегося с запахами травяного чая, блинов, малины, духмяных щей или пельмешек. А еще старинных книг, тяжелых портьер, еле уловимого тона мастики и воска, красного дерева, цветов, картин.

И он стрелой неся по ступенькам через веранду, влетал в дверь, и все эти запахи и уютное тепло дома тут же незримо обнимали его, обволакивали, приглаживали растрепанные вихры и шептали на ухо, что все всегда обязательно будет так же хорошо, как сейчас! А как же! Ведь у него навсегда-навсегда есть этот дом, который защитит, убаюкает, примет любым, исцелит боль и убережет от всего плохого...

Не уберег и не исцелил...

Григорий почувствовал, как от воспоминаний, вызвавших реальные ощущения того далекого беззаботного счастливого детства, нахлынувших непрошено и накрывших лавиной, погрузив его в те простые и такие радостные чувства, вдруг перехватило горло и защипало глаза.

Вжик-вжик-вжик...

Что за звук? Он с силой тряхнул головой, прогоня предательскую сентиментальность, жесткими пальцами стер так и не проступившие слезы, вытаскивая себя из ненужных эмоций.

Так, что за звук? Сосредоточился на реальности. Он улавливал этот звук какое-то время назад, но так, краем сознания отметив его на-

вязчивость и непонятность, пока предавался воспоминаниям, а сейчас вот воспринял уже осознанно и даже порадовался поводу отвлечься от прошлого.

Вжик-вжик-вжик — размеренно так, отчетливо скрипело, и бубнеж какой-то еще доносился, но тоже размеренный, в такт этому вжiku странному. Григорий прислушался и усмехнулся про себя, отмечая первую, самую возможную версию:

«Не-а. Не секс ни фига — ритм другой. — И нахмурился: — А откуда это вообще? Сверху, что ли? Точно, сверху!» — понял он.

— Так! И что происходит? — вслух спросил Вершинин бог знает у кого, у Духа дома, наверное.

Эта «келья», как ее называли взрослые, — комнатка, в которой проживали всегда Гриша и двоюродный брат Костя, его закадычный друг и соратник по всем проказам и делам мальчишеским, который был старше Григория на один год, располагалась на самом верху дома — на третьем этаже, состоявшем всего из трех небольших комнаток, а выше находился только чердак под коньком крыши.

Понятное дело, чердак, на котором складировали старые, отслужившие свое вещи или убирали на время сезонные или такие, которыми редко пользуются.

И ясно как день, что чердак был для малышни местом особых игр, забав и прятков, облази-

ли они его вдоль и поперек до последнего гвоздя. К тому же там в любое время года было сухо, а зимой не холодно благодаря проходившей тут печной трубе, и не жарко летом, и просторно-о-о — на всю площадь третьего этажа, а в центре до потолочных балок, так и метра три с половиной будет — самое то, для детских игр в таинственное.

Вот интересно, кто там сейчас веселится и как? Звук непонятный — железный скрежет какой-то.

Радуюсь поводу покинуть комнату, навевшую столько воспоминаний, да и сами воспоминания, Вершинин решительно отправился выяснять.

Дверь, венчавшая ведущую на чердак лестницу, была распахнута, и неопознанные звуки здесь слышались более отчетливо.

Вжик-вжик-вжик — железно скрипело что-то, и не то детский, не то девичий голос в ритме с вжиком повторял какие-то слова, неразличимые пока, похожие на стишок или считалку.

Григорий поднялся по лестнице, вошел на чердак и двинулся на звук в левую от двери, дальнюю часть помещения.

— Ка-кой... чу-дес-ный... день! — разобрал он, наконец, слова.

У стены, под коньковым окном крыши стояла старая железная кровать с выброшенным на сетку матрацем, на котором прыгала девушка и, ничего не замечая вокруг, самозабвенно